

- articles.com/p/articles/mi_qn4158/ is_19970911/ai_n14132136, accessed on 02.10.2022].
- Buthelezi, M. (2012) "Why the TRC Failed to Bring about Reconciliation" [<http://www.politicsweb.co.za/politics/why-the-trc-failed-to-bring-about-reconciliation>, accessed on 02.10.2022].
- Jeffery, A. (2009) *People's War: New Light on the Struggle for South Africa*. Woodstock: Jonathan Ball.
- Johnson, P. (1994) "De Klerk has engineered a suicide leap into universal suffrage", *The Spectator*. 30 April.
- Mandela, N. (1995) *Long Way to Freedom: The Autobiography*, p. 111. New York: Little, Brown and Company.
- Shore, M. (2009) *Religion and Conflict Resolution: Christianity and South Africa's Truth and Reconciliation Commission*, p. ix. Burlington: Ashgate.
- "The Death of Steve Biko" (2012), *South African History Online*. 17 January [<https://www.sahistory.org.za/archive/iv-death-steve-biko>, accessed on 02.10.2022].

Hendricks, M. N. (2020) *Manufacturing Terrorism in Africa: The Securitisation of South African Muslims*. Singapore: Palgrave Macmillan. — 247 p.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-3-322-327>

Целью этой замечательно написанной книги стало изучение того, как знания о терроризме, при поддержке средств массовой информации, используются, чтобы представить африканских и южноафриканских мусульман в качестве угрозы. При этом автор отмечает, что южноафриканские журналисты, ученые и политики поддерживают западные дискурсы о мусульманах, терроризме, глобальной войне с террором, а также тезис Сэмюэля Хантингтона о столкновении цивилизаций. Особое внимание уделяется «конструированию» мусульман как угрозы с использованием *теории секьюритизации*. Согласно этой теории, отмечает Хендрикс, указание

на угрозу само по себе является действием. В связи с репрезентацией мусульман как угрозы безопасности Хендрикс ссылается на теорию Эдварда Саида об ориентализме, в рамках которого мусульман изображали в особой манере, резонирующей с колониалистским мышлением. Это добавляет еще одно измерение «инаковости» и потому, по-видимому, облегчает ассоциирование мусульман с террористической угрозой.

Хотя книгу приятно читать, ясно, что Хендрикс предпочитает заниматься рассказами о самих мусульманах, а не иметь дело с «фактами», которые не соответствуют его повествованию. С его точки зрения, мусульмане не

справедливо стереотипизированы и рассматриваются как угроза, а южноафриканские аналитические центры и эксперты активно поддерживают доминирующий западный нарратив о мусульманах, хотя указанный стереотип имеет мало общего с реальными африканскими и южноафриканскими мусульманами. Ради отстаивания своей позиции Хендрикс тщательно отбирает те факты, которые подкрепляют его аргументы, и игнорирует факты, которые этим аргументам противостоят. В конечном счете, делая упор на нарративы и дискурсы, автор не удосуживается по-настоящему взаимодействовать с теми экспертами по терроризму, которых он исключает из сферы своего внимания. Например, не предпринимается никаких попыток разобраться со множеством свидетельств о существовании в Южной Африке тренировочных лагерей джихадистов, с тем, что страна стала прибежищем для террористов, нуждающихся в убежище, в удостоверениях личности или финансировании, или же с тем, что южноафриканские мусульмане взаимодействовали с иностранными террористическими группами и отдельными лицами, по крайней мере, с 1980-х гг.¹

1. Solomon, H. (2013) *Jihad: A South African Perspective*. Bloemfontein: Sun Media.

Прежде чем двигаться дальше, необходимо сделать три оговорки. Во-первых, я фигурирую в этой книге как один из так называемых экспертов. Во-вторых, я был тесно связан с тремя аналитическими центрами, упомянутыми в этой книге. В-третьих, автор якобы брал у меня интервью.

Главный недостаток автора, на мой взгляд, заключается в том, что он не пытается быть объективным. При обсуждении конструирования, изображения и репрезентации мусульман важны факты, а не только нарративы. Согласно базе данных *Science Po* (Париж), в период с 1979-го по 2019 г. жертвами исламистского терроризма стали более 160 000 человек². Разве такие организации, как «Аль-Каида», «Аль-Шабааб», «Боко Харам» или «Исламское государство»³, не являются террористическими организациями в том смысле, что они участвуют в неизбирательном террористическом насилии против немусульман, а также мусульман, не разделяющих их ра-

2. Tausch, A. (2021) "Social Attitudes Fuelling Islamist Terrorism", in H. Solomon (ed.) *Directions in International Terrorism: Theories, Trends and Trajectories*, p. 187. Singapore: Palgrave Macmillan.

3. В Российской Федерации признаны террористическими организациями (Прим. пер.).

дикальную идеологию?⁴ Разве их членами не являются исключительно мусульмане, и разве мы не можем сделать из этого вывод, что в исламских обществах есть скрытое радикальное течение? Об этом свидетельствуют различные опросы, проведенные в арабском мире. Надо учесть следующее: более трети арабского общественного мнения — за исламский шариат, понимающий применение физических наказаний, ограничение прав женщин (например, женщина не может быть премьер-министром или президентом), ущемление в правах немусульман, враждебность к иноверцам⁵. Однако Хендрикс ничего из этого не касается, пытаясь облечь мусульман в одежды жертвы.

Действительно, автор тщательно отбирает факты в соответствии со своим дискурсом. В ходе этого он также конструирует «соломненные чучела», пытаясь провести критический анализ. Посыл этой книги глубоко ошибочен. Так, он задается вопросом

о том, почему, при обсуждении роли британской гражданки Саманты Льютуэйт в нападении «Аль-Шабааб» на кенийский торговый центр «Вестгейт» в Найроби 21 сентября 2013 г., подчеркивается ее обращение в ислам. Он пишет: «Я считаю, что это было частью процесса, который превратил мусульман в *подозрительную общину*» (р. 3). Однако это представляется чрезвычайно важным, поскольку говорит о мотиве. Чтобы это проиллюстрировать, рассмотрим трагедию, когда 1 сентября 2004 г. чеченские исламисты-националисты ворвались в школу в Беслане и удерживали в заложниках 1100 человек, в том числе 777 детей, в течение трех дней. Когда российскому спецназу наконец удалось освободить школу и заложников, было убито 333 человека, в том числе 186 детей⁶. Конечно, русские и весь мир будут правы, отождествляя террористов с чеченцами и с исламистами, поскольку это говорит об их мотивах и их мировоззрении. Не упомянуть об этих аспектах самоидентификации террористов было бы неправильной политкорректностью, с точки зрения ответственного отношения к предупреждению возможных будущих атак.

4. Solomon, H. (2015) *Terrorism and Counter-Terrorism in Africa: Fighting Insurgency from Al Shabaab, Ansar Dine and Boko Haram*. Basingstoke: Palgrave Macmillan; Solomon, H. (2016) *Islamic State and the Coming Global Confrontation*. Cham: Palgrave Macmillan
5. Solomon, H., Tausch, A. (2021) *Arab MENA Countries: Vulnerabilities and Constraints Against Democracy on the Eve of the Global COVID-19 Crisis*, p. 228. Singapore: Springer.

6. Siege of Beslan [en.wikipedia.org/wiki/Beslan_school_siege, accessed 04.07.2022].

В силу нежелания автора обращаться к фактам, он заявляет о несогласии с документальным фильмом южноафриканской программы о текущих событиях «Carte Blanche», в которой сомалийская группировка «Аш-Шабааб» охарактеризована как растущая угроза для тех, кто находится за пределами Сомали. Это согласуется с его одномерным представлением о том, что терроризм конструируется и что террористическая угроза раздувается по различным гнусным причинам, которые трудно понять. Автор не предпринимает никаких попыток затронуть нападение на Кампалу (Уганда), или тесные отношения между «Аль-Каидой» и «Аш-Шабааб», или угрозу, которую «Аль-Шабааб» представляет для Южной Африки, или многочисленные нападения на Кению. В 2011–2012 гг. на территории Кении было совершено 17 нападений «Аш-Шабааб», в результате которых погибло 48 человек. Нападение на торговый центр Westgate в 2013 г. привело к гибели 67 невинных посетителей. В следующем году 60 человек были убиты в Мпекетони, графство Ламу. В 2015 г. боевики «Аш-Шабааб» напали на Гарисский университетский колледж, в результате чего было убито 150 человек, причем подавляющее большинство жертв — студенты. В 2019 г. Найроби снова стал мишенью — на этот раз это был

Dusitd2 Complex; 21 человек погиб, десятки получили ранения⁷. Однако ни один из этих неудобных фактов не фигурирует в анализе автора.

Другой пример отбора фактов: на с. 18 автор цитирует президента США Джорджа Буша, который сразу после 11 сентября уравнил терроризм и ислам. Хотя я согласен с автором в том, что проведенные президентом Бушем параллели между глобальной войной с терроризмом и крестовым походом были совершенно неуместными и исторически неточными, также верно и то, что всего через шесть дней после 11 сентября президент Буш посетил мечеть в Вашингтоне, где выступил с речью против притеснений арабов и мусульман в США и говорил о необходимости уважать исламскую веру⁸. Это было актом лидерства и государственной мудрости, особенно если учитывать разгул исламофобии сразу после разрушения башен-близнецов. Однако визит Буша в мечеть выпадает из придуманной авто-

7. Terrorism in Kenya, Wikipedia [en. wikipedia.wiki/Terrorism_in_Kenya, accessed 04.07. 2022].

8. Freedman, S. G. (2012) “Six Days after 9/11, Another Anniversary Worth Honoring”, *New York Times*. 7 September [nytimes/2012/09/08/us/on-religion-six-days-after-9-11-another-anniversary-worth-honoring.html, accessed on 04.07.2022].

ром «сказки» о войне США против ислама.

В своем описании южноафриканских аналитических центров, якобы усиливающих западный нарратив против мусульман, Хендрикс создает стереотипные «соломенные чучела». Я работал в Институте исследований в области безопасности, и когда я туда пришел, основное внимание там уделялось интеграции различных вооруженных сил Южной Африки после 1994 г., а также вопросам распространения стрелкового оружия, отношений в среде вооруженных граждан и преступности. Пока организация находилась в зачаточном состоянии, она сменила название с Института оборонной политики на Институт исследований в области безопасности с упором на безопасность человека. Я сам возглавлял Программу безопасности человека, в которой основное внимание уделялось миграции, водным ресурсам и гендерным вопросам. В своем проекте «Африканское будущее» Институт теперь больше, чем когда-либо, сосредоточен на экономике и экономике знаний, а также на надлежащем управлении. Тема терроризма занимает лишь крошечную часть его деятельности.

Я также работал директором Центра международных политических исследований (CIPS) в Университете Претории. Наш

отдел по исследованию водных проблем в Африке был крупнейшим и наиболее активным подразделением, за которым следовали отделы африканские исследований (в широком смысле), кросс-культурных исследований, дипломатических исследований и политических исследований. В нашем отделе вопросы политического ислама и терроризма фигурировали в основном из-за моих собственных исследовательских интересов как практикующего мусульманина, обеспокоенного захватом своей веры радикальными исламистами. Станные попытки установить связь между CIPS и бывшим государством эпохи апартеида в лучшем случае проблематичны. Автор ссылается на бойню в Шарпевилле, забастовку в гавани Дурбана в 1973 г. и т.д. Но CIPS был создан только в 1998 г. и начал свою деятельность в 1999-м. Будучи в прошлом активистом в борьбе против апартеида, вся семья которого была связана с Африканским национальным конгрессом и Коммунистической партией Южной Африки, я просто не могу серьезно относиться к обвинениям в причастности к системе апартеида. Более того, во время взаимодействия с политиками наши политические предложения в значительной степени отвергались этими же политиками: от наших попыток разработать более тон-

кую внешнюю политику, касающуюся взаимодействия Южной Африки с правительством Зимбабве при Роберте Мугабе, до попыток заставить правительство серьезнее задуматься о надвигающемся водном кризисе. Даже в сфере борьбы с терроризмом секурократы Претории сначала вежливо выслушивали наши предложения, а затем их отвергали.

В конечном счете Хендрикс в своем исследовании добился бы большего, если бы привлек не только нарративы и дискурсы, но и факты, касающиеся терроризма в Южной Африке. Отбирая факты, создавая «соломненные чучела» и давая неточное описание мозговых центров в Южной Африке, Хендрикс едва ли обеспечивает аналитическую глубину, которой ожидают от академического исследования.

*Хуссейн Соломон, перевод
с английского — Александр
Кырлежев*

McClendon, G. H., Riedl, R. B. (2019) *From Pews to Politics: Religious Sermons and Political Participation in Africa*. Cambridge: Cambridge University Press. — 286 p.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-3-327-332>

Книга политологов из Нью-Йоркского университета и Северо-Западного университета штата Иллинойс Гвинет Маккландон

Библиография / References

- Freedman, S. G. (2012) "Six Days after 9/11, Another Anniversary Worth Honoring", *New York Times*. 7 September [nytimes/2012/09/08/us/on-religion-six-days-after-9-11-another-anniversary-worth-honoring.html, accessed on 04.07.2022].
- Solomon, H. (2016) *Islamic State and the Coming Global Confrontation*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Solomon, H. (2013) *Jihad: A South African Perspective*. Bloemfontein: Sun Media.
- Solomon, H. (2015) *Terrorism and Counter-Terrorism in Africa: Fighting Insurgency from Al Shabaab, Ansar Dine and Boko Haram*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Solomon, H., Tausch, A. (2021) *Arab MENA Countries: Vulnerabilities and Constraints Against Democracy on the Eve of the Global COVID-19 Crisis*. Singapore: Springer.
- Tausch, A. (2021) "Social Attitudes Fuelling Islamist Terrorism", in H. Solomon (ed.) *Directions in International Terrorism: Theories, Trends and Trajectories*. Singapore: Palgrave Macmillan.

и Рэйчел Битти Ридл «С церковной скамьи — в политику» стала результатом длительного исследовательского проекта, осу-